

Судан: массовые протесты

Внутренняя обстановка в Судане, которая с 2011 г. характеризуется непрерывным политическим и экономическим кризисом, в конце 2018 г. вышла на новый уровень напряженности. С 19 декабря 2018 г. практически вся страна оказалась охвачена массовыми протестами, зачастую переходящими в яростные столкновения манифестантов с силами безопасности, использующими слезоточивый газ, резиновые дубинки, реже – огнестрельное оружие. В ряде городов протестующие сожгли здания правящей Партии национального конгресса (ПНК), Национальной службы разведки и безопасности (НСРБ), ряда местных администраций. 9 февраля 2019 г. Генеральная прокуратура Судана подтвердила гибель в ходе демонстраций 31 человека; по подсчетам *Human Rights Watch* и некоторых других международных правозащитных организаций, число убитых превысило 50. Сотни участников (по данным оппозиции – около 2 тыс.) оказались в тюрьмах. Только в декабре в стране прошло около 400 протестных акций.

Суданское правительство в первые два дня эскалации протестов избрало примирительный тон в общении с манифестантами, но уже 21 декабря глава НСРБ провел пресс-конференцию, на которой заявил, что группа мятежников в количестве 290 человек была завербована израильским Моссадом и переброшена в Судан с целью совершения поджогов правительственных зданий, и объявил о поимке 7 членов этой группы. 24 декабря было опубликовано послание президента Судана Омара аль-Башира нации, в котором он возложил ответственность за организацию беспорядков на вооруженную суданскую оппозицию (конкретно – дарфурское Суданское освободительное движение/армия – СОД/А), действующую при финансовой поддержке Израиля. Глава государства назвал протестующих «предателями, иностранными агентами, диверсантами».

Правительство приняло решение подавить протесты силовыми и информационными методами: в декабре-январе были введены чрезвычайное положение и комендантский час в наиболее затронутых протестами городах, проведены аресты лидеров протестующих, в помощь полиции направлены сотрудники НСРБ и отряды полувоенных формирований, закрыты школы, университеты и студенческие общежития, приостановлено издание большинства суданских газет и отозваны лицензии у иностранных корреспондентов, заблокирован доступ к социальным сетям и многим информационным ресурсам Интернета. 22 февраля 2019 г. указом президента режим чрезвычайного положения был распространен на территорию всего Судана.

Хотя СОД/А, ведущее борьбу с центральной властью с 2003 г., и Израиль, неоднократно наносивший авиаудары по объектам Ирана и ХАМАС в Судане в 2009–

2015гг., несомненно являются заинтересованными сторонами в суданском кризисе, представляется, что внутренние предпосылки к развитию протестного движения сыграли гораздо более важную роль.

Можно утверждать, что главной предпосылкой стало резкое обострение в течение 2018 г. финансового кризиса, спровоцированного растущим дефицитом конвертируемой валюты, который страна начала испытывать еще в 2011 г., когда разделение Судана на два государства – Республику Судан (РС) и Республику Южный Судан – привело к утрате Хартумом 60% внешнеторговых поступлений вследствие потери 75% нефтяных месторождений. Антикризисная экономическая программа, направленная на формирование новых источников дохода, прежде всего от добычи золота и роста сельскохозяйственного производства, а также сокращения импорта и государственных расходов, фактически провалилась, в том числе по причине продолжения военных действий против повстанцев в Дарфуре, штатах Южный Кордофан и Голубой Нил: значительная часть бюджета РС продолжала расходоваться по статьям, связанным с вопросами обороны и национальной безопасности. Кроме того, более 1 млрд долл. в год государство тратило на субсидии на топливо и муку. Серьезным ударом для экономики стало закрытие в 2018 г. крупного нефтеперерабатывающего завода в г. Порт-Судане, открытого еще в 1964 г. При этом в 2017 г. суданское правительство возобновило переговоры о вступлении в ВТО, что повлекло за собой либерализацию торговли согласно рекомендациям МВФ и последующее значительное увеличение импорта при отстающем росте экспорта и, соответственно, новые проблемы с наполнением бюджета.

Решение правительства включить печатный станок, чтобы профинансировать дефицит бюджета, привело к высокой инфляции, достигшей своего пика (69% в годовом исчислении) в ноябре 2018 г. Инфляция не могла не сказаться на курсе суданского фунта. В 2018 г. в Судане были проведены три девальвации национальной валюты: в январе 2018 г. с 6,7 до 18 суданских фунтов за доллар, в феврале – с 18 до 28, в октябре – с 28 до 47,5. Курс доллара параллельно рос на черном рынке: до 20, 40 и 75 суданских фунтов за доллар, соответственно. По официальному курсу приобрести иностранную валюту стало невозможно. Частные импортеры были вынуждены приобретать валюту на черном рынке, что еще сильнее раскрутило маховик инфляции. При этом страна критически зависит от импорта продовольствия (особенно пшеницы – около 2 млн т в год), нефтепродуктов и лекарств.

В январе 2018 г. правительство приняло решение сократить субсидии на муку (также по рекомендации МВФ), что сразу привело к росту цен на хлеб. Тысячи людей выходили на улицы суданской столицы и других крупных городов, протестуя против роста цен на

продовольствие, а также на лекарства и топливо. В январе-феврале было зафиксировано более 40 массовых акций. Протесты поддержали студенты, учителя, медики. Полиция с самого начала стала жестоко разгонять митинги, НСРБ проводила аресты лидеров, и к марту протестная волна спала вместе с зимней «прохладой», хотя экономическая ситуация продолжала ухудшаться. Показательно, что в апреле 2018 г. министр иностранных дел РС заявил об отсутствии у ведомства средств на выплату заработной платы работникам суданских посольств. В мае Хартум объявил о сокращении штата министерства и закрыл 13 дипломатических миссий за рубежом. Летом обострились проблемы с бензином и дизельным топливом, а Центральный банк Судана в два раза снизил лимиты на снятие наличных из банкоматов.

В сентябре 2018 г. президент аль-Башир распустил правительство и назначил на пост премьер-министра Муаттаза Мусу, ранее занимавшего должность министра водных ресурсов, ирригации и электрификации. Муаттаза Муса начал работу с обещания прибегнуть к «шоковой терапии для решения проблемы инфляции и валютного курса». В скором времени он выполнил свое обещание: в октябре правительство провело очередную девальвацию суданского фунта. В ноябре взлетели цены на топливо и тарифы на транспорт, а очереди на бензоколонках только увеличились. В декабре правительство резко сократило объем субсидий на муку для нескольких штатов (не для столицы), полагая, что сможет постепенно распространить эксперимент на всю страну. Если цена 1 ломтя хлеба из субсидированной муки составляла 1 фунт, то из несубсидированной – 3 фунта. Многие пекарни просто закрывались после использования всей субсидированной муки. Затем начали закрываться и школы, неспособные обеспечить учащихся завтраками и обедами. В отдельных регионах забастовали врачи, доктора, фармацевты, рабочие и др.

Хотя считается, что активная фаза нынешнего противостояния правительства и протестующих берет свое начало 19 декабря 2018 г., уже 7 декабря на западе и востоке страны против высоких цен на хлеб и закрытия школ стали протестовать школьники; 13 декабря начались студенческие протесты в г. Эд-Дамазин в штате Голубой Нил, и полиция применила слезоточивый газ и дубинки. 17 декабря волнения распространились еще на три города, в Хартуме прошли демонстрации студентов, на улицах столицы начали гореть крыши.

На фоне возраставшего народного недовольства правительство продолжало усиливать меры жесткой экономии. 17 декабря 2018 г. было объявлено о повышении на 60% цен на лекарства. При этом цены на отдельные виды лекарств, например, для лечения диабета и гипертонии, за несколько дней выросли на 150%. Министр здравоохранения ранее заявлял, что на импорт необходимых лекарств стране не хватает 400 млн долл. 18

декабря ЦБ Судана во второй раз за год снизил лимит на снятие наличных в банкоматах – с 60 до 20 тыс. суданских фунтов в месяц. Дефицит бензина и дизельного топлива настолько усилился, что публичный транспорт встал, а пассажиров начали перевозить по маршрутам на полицейских автобусах. Нехватка топлива привела к дефициту питьевой воды (остановились насосы), к проблемам со сбором и доставкой урожая. Большинство международных авиакомпаний отменило рейсы в РС из-за невозможности конвертировать фунты по приемлемому курсу.

С ростом экономических проблем осенью 2018 г. совпало обострение противостояния в политической сфере. Для понимания нынешнего политического кризиса необходимо заглянуть на несколько лет назад. В 2013–2014 гг. правящая группа осознала необходимость перемен. Помимо «кнута» в виде расстрелов демонстрантов и арестов правительству требовался и «пряник». В конце 2013 г. правительство покинули несколько заметных фигур, в том числе многолетний вице-президент страны Али Осман Таха, который был высокопоставленным представителем суданской ветви «Братьев-мусульман» – влиятельной исламистской группировки в Судане, активно поддерживавшей десекуляризацию страны. Тем самым была создана благоприятная почва для запуска в январе 2014 г. процесса национального диалога, призванного достичь компромисса между правящими с 1989 г. исламистами и официальной оппозицией, прежде всего старейшими партиями Судана – «Уммой» и Демократической юнионистской партией (ДЮП). Объявленные цели диалога включали прекращение войны, восстановление политических свобод, борьбу с бедностью и возрождение национальной идентичности. Шли разговоры о создании временного коалиционного правительства, чтобы провести всеобщие выборы, сформировать учредительное собрание и подготовить страну к «новой демократической эре».

С помощью национального диалога президенту аль-Баширу удалось почти на 4 года удержать большинство оппозиционных партий от поддержки уличных протестов, а спецслужбы тем временем нейтрализовывали основных организаторов уличных движений. Однако ни договориться с повстанческими движениями, ни разгромить их за прошедшие годы Хартум не смог, политические свободы ограничивались, как и раньше, бедность росла, а младшие партнеры ПНК по коалиционному правительству, по сути, ничего не решали. 22 ноября 2018 г. «чаша терпения» суданской оппозиции переполнилась: 100 депутатов от 34 партий покинули заседание Национальной ассамблеи РС в знак протеста против принятия нового «Закона о выборах», оставлявшего широкие возможности для фальсификации результатов народного волеизъявления. А уже 4 декабря пропрезидентское парламентское большинство во главе с ПНК поддержало поправку к Конституции,

позволяющую аль-Баширу в 2020 г. в очередной раз выдвинуть свою кандидатуру на пост президента.

Омар аль-Башир пришел к власти в 1989 г. в результате переворота и сейчас занимает 5-е место в списке африканских политиков, дольше всех находящихся у власти. Лидеры практически всех парламентских партий выступили против внесения изменений в Конституцию ради легитимизации третьего срока аль-Башира. Сам он в ноябре 2017 г. пообещал уйти со своего поста в 2020 г. Даже не все члены правящей партии желают видеть аль-Башира в президентском кресле после 2020 г. Повторяется ситуация с прошлыми выборами: в 2014 г. аль-Башир обещал, что больше не будет баллотироваться на пост президента, и это казалось началом демократизации, но в 2015 г. «по просьбе общественности» он выставил свою кандидатуру на выборах и победил с 94% голосов.

Для аль-Башира критически важно остаться у власти в том числе и потому, что официальный пост в известной мере защищает его от уголовного преследования со стороны Международного уголовного суда, который обвиняет его в жестоким подавлении восстания в Дарфуре. В то же время нынешняя волна протестов – пожалуй, самый серьезный вызов президенту почти за 30 лет его правления. По оценкам суданских и международных экспертов, такого масштабного протестного движения страна не видела со времени обретения независимости. В протестах участвуют рабочие, студенты, школьники, врачи, учителя и университетские преподаватели, фармацевты, юристы, инженеры, банковские работники и т.д. Так, врачи заявили о бойкоте всех военных и полицейских госпиталей страны, а также частных медучреждений, принадлежащих сторонникам аль-Башира; юристы пикетируют Верховный Суд; в знак протеста закрылись многие аптеки; с критикой на правительство обрушились даже авторитетные мусульманские клирики.

Помимо их размаха, протесты отличаются от подобных событий прошлых лет тем, что начались и обрели силу они в провинции, а не в столице, и быстро охватили практически всю страну. В протестах участвует много женщин, кроме прочего недовольных тем, что сотрудники полиции, обеспечивающие общественный порядок, имеют большую самостоятельность в вопросах оценки внешнего вида и поведения на предмет соответствия «приличиям и морали»: ежегодно телесным наказаниям за «нарушение приличий» подвергается около 40 тыс. женщин. Поддержка протестующих оппозиционными партиями и движениями довольно широка: на стороне мятежников и «системные» партии Судана – «Умма» и ДЮП, и десятки малых партий, и молодежные и профессиональные ассоциации; к удовлетворению требований протестующих призвали лидеры исламистской Партии народного конгресса – важнейшего партнера Партии национального конгресса в правительстве – и суданского отделения «Братьев-мусульман».

Хотя нынешнее суданское правительство оказалось не в состоянии достичь политической стабильности и выправить ситуацию в экономике, а накал нынешних протестов беспрецедентен для новейшей истории страны, перспектива революционного смещения доминирующей элитарной группы уличными толпами все еще кажется отдаленной. На стороне правительства активно выступают полиция, спецслужбы, полувоенные формирования. Лояльность армейской верхушки, прочно интегрированной в правительство и ПНК, сомнений не вызывает, хотя рядовой состав, в котором много выходцев из периферийных районов, может отказаться участвовать в подавлении беспорядков. ПНК продолжает пользоваться поддержкой значительной части консервативных, исламо-фундаменталистских кругов населения, опасющихся либерализации и секуляризации общественной и политической жизни, отмены шариата, роста западного влияния.

В тоже время, среди сторонников ПНК все чаще звучат призывы к аль-Баширу, который за последние несколько лет пережил несколько серьезных операций, в том числе на сердце в 2017 г., отказаться от участия в президентских выборах 2020 г. и дать дорогу «новым лицам». 22 февраля 2019 г., одновременно с введением в стране чрезвычайного положения, аль-Башир распустил правительство и отправил в отставку глав всех провинций. Премьер-министром был назначен Мухаммад Тахир Айла, ранее занимавший пост губернатора провинции Гезира и которого аль-Башир еще в 2017 г. обозначил как возможного кандидата в президенты от ПНК. Сценарий с назначением «преемника» мог бы оказаться наиболее безопасным для суданского истеблишмента, но согласятся ли протестующие с тем, чтобы аль-Башир остался у власти еще на год? По некоторым оценкам, даже имущие классы, в том числе мелкая буржуазия, все больше склоняются поддержать другой сценарий – «дворцового переворота», который успокоит толпу, подарив ей иллюзию победы, обеспечит преемственность политического курса и стабилизирует социально-экономическую ситуацию.

На четвертом месяце протестов «окно возможностей» президента аль-Башира продолжает сужаться. Постепенно мобилизуется международная общественность, растет дипломатическое давление западных стран, все больше критики режима звучит на популярных арабских телеканалах «Аль-Джазира», «Аль-Арабия» и др. Протесты на фоне дефицита топлива ослабляют экономику, подрывая возможности государства обеспечить даже существующий уровень благосостояния граждан. Наиболее жесткий вариант силового подавления беспорядков несет в себе риск начала гражданской войны, хотя вряд ли полностью снят со счетов. Аль-Башир может надеяться, что удержит ситуацию под контролем до апреля-мая, когда нестерпимая жара и песчаные штормы постепенно

притупят протестное движение естественным путем. В любом случае нельзя отрицать, что суданский президент остается центральной фигурой в стране и обладает выдающимся политическим чутьем и значительным опытом борьбы с массовыми протестами и попытками переворотов, что позволяет рассматривать и сценарий, при котором не только нынешней правящей группе, но и лично Омару аль-Баширу удастся удержаться у власти, ограничившись косметическими реформами и кадровыми перестановками.

Костелянец С.В., к.полит.н., с.н.с.,
зав. Центром социологических и политологических исследований
Института Африки РАН